УДК 811.161.1'373.611 **Ли Жунь**

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ РУССКИХ ФИТОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИТОНИМОВ «ДУБ» И«БЕРЕЗА»)

ЛІ ЖУНЬ. ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧНИЙ КОМПОНЕНТ У СТРУКТУРІ РОСІЙСЬКИХ ФІТОНИМІВ (НА МАТЕРІАЛІ «ДУБ» І «БЕРЕЗА»)

У статті розглядається проблема співвідношення мови і культури. Мова, опиняючись поряд з формами побуту, народною поезією і пам'ятками писемності, зберігає як специфічно-національний зміст і специфічно-мовну форму вираження, так і інокультурні елементи. У центрі дослідження знаходиться семна структура фитонимів дуб і береза. Сучасні російськомовні тексти не тільки експликують традиційні культурні знання, але й співвідносять їх з новими уявленнями прагматичной та емотивной властивості.

Ключові слова: мова, культурний фон, конотативні семи, контекст, семантична структура слова.

ЛИ ЖУНЬ. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ РУССКИХ ФИТОНИМОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИТОНИМОВ «ДУБ» И«БЕРЕЗА»)

В статье рассматривается проблема соотношения языка и культуры. Язык, оказываясь в одном ряду с формами быта, народной поэзией и памятниками письменности, хранит как специфически-национальное содержание и специфически-языковую форму выражения, так и инокультурные элементы. В центре исследования находится семная структура фитонимов дуб и береза. Как показал анализ, современные тексты не только эксплицируют традиционные культурные знания, но и соотносят их с новыми представлениями прагматического и эмотивного свойства.

Ключевые слова: язык, культурный фон, коннотативные семы, контекст, семантическая структура слова.

LI RUN. LINGVOCULTURAL COMPONENT IN THE RUSSIAN PHYTONYMS (BASED ON PHYTONYMS "OAK" AND "BIRCH")

This article explores the issue of relationship between language and culture. Language, along with the forms of life, folk poetry and historical documents, keeps specifically national content and specifically verbal form expression, and also foreign cultural elements.The article centers on seminal structure of phytonyms oak and birch.It is noted that the symbolism of the oak is widely represented in the culture of the Russian people.The use of myth "oak" in lingvocultural cotext was due to objective reasons: oak at all times exists in the territory of ancient Rus and in the West Slavic lands.As the most powerful,strongest and most durable wood he is linked to the mythological consciousness of the greatest and most powerful of the gods – the sacred tree of Zeus and Jupiter. This information is actively manifested in modern texts.Attitude to birch was ambivalent: according to one tradition, wood and articles thereof, including the Birch bark,were considered a talisman against evil forces. According to another tradition, the birch tree was considered impure, in whose branches settle devils and mermaids, which are the incarnation of the souls of dead relatives.However, implementation of the token of birch in modern texts does not show this information. Its lingvocultural component is composed of semes, which indicate association with lonely and sad girls.As the analysis shows, modern texts not only explicate traditional cultural knowledge,but also correlate them with new ideas of pragmatic and emotional properties.

Key words: language, cultural background, connotative semes, the context, the semantic structure of the word.

Национальная специфика языка, как считают ученые, ретроспективна: «поиск образца всегда обращен в проверенное прошлое, а живые инновации кажутся отходом от культуры, забвением национально-исторического опыта определенного народа. При этом традиция как основа культуры является не только продолжением, но и творческим отрицанием многих исторических крупиц опыта, накопленного поколениями и существующего в народной памяти» [4, с. 205]. Язык, оказываясь в одном ряду с формами быта, народной поэзией и памятниками

© Ли Жунь, 2015

письменности, хранит как специфически-национальное содержание и специфически-языковую форму выражения, так и инокультурные элементы.

Цель предлагаемой статьи – выявить компоненты лингвокультурологического характера в семантике фитонимов, функционирующих в русскоязычном тексте. В качестве объекта исследования взяты фитонимы *дуб* и *береза*. Иллюстративный материал извлекался методом сплошной выборки из классической и современной литературы, а также использовались данные Национального корпуса русского языка.

Символика деревьев широко представлена в культуре русского народа. А. Ф. Лосев отмечал, что «…простолюдины до сих пор убеждены, что где-то далеко (на востоке) есть страна вечного лета, насажденная садами из золотых и серебряных деревьев и оглашаемая песнями райских птиц, в которой реки текут молоком и медом, серебром и золотом…» [5, с. 131].

Отражение языковой культуры передается не только общечеловеческими факторами в национальном образе, в событиях и лицах истории народа, в народном сознании, но и в мифах, народных сказаниях, в картинах природы. В этом отношении лингвокультурный код «дуб» играет особую роль в развитии русской культуры, русских обычаев и нравов русского народа.

Судя по исследованиям ученых-этнографов, в памяти древних славян сказания о дубах соотносятся с преданиями о «мировом дереве», т.е. с представлениями о мировом устройстве. Как самое могучее, крепкое и долговечное, он связывался в мифологическом сознании с самым великим и могучим из богов и являлся священным деревом Зевса и Юпитера. Современное отражение этих культурных знаний проявилось в таких контекстах: *Вспомним, что* ***дуб*** *чаще всего поражает молния;* ***он, по древним представлениям, притягивает грозу – самого Перуна*** [Н. Феоктистова, Новогодняя ёлка]. *Несколькими взмахами могучей руки Винифред срубил* ***священный дуб*** [В. Быков, Лесное счастье]. С другой стороны, дуб воспринимается как глобальный знак темпорального характера, отражающий статичность времени, относительность его мимолетности: *И тут же рос, в углу ограды,* ***старый большой дуб, он был выше церкви, его ветви, уже жёлтые, осеняли и купол, и переулок, отчего церковь казалась совсем крохотной*** [А. И. Солженицын, В круге первом]. «*Все у нас тут опять разладилось-перекосилось», – говорят видавшие виды «дикари». Только один перевернутый дуб крепко стоит. С годами, говорят, еще тверже стал* [В. Карпов, Дикая деревня].

Употребление мифологемы «дуб» в лингвокультурологическом пространстве обусловлено объективными причинами: дуб во все времена присутствовал как на территории России, так и в западно-славянских землях. Славяне-язычники воспринимали дуб не только как мировое дерево, но и как архетип всех земных деревьев. Творческая переработка мифологического мышления проявляется как в сказочном, так и поэтическом тексте, в котором дуб называется отцом леса, патриархом лесов: *Увидел Мишка безобразие, говорит поросятам: – Дуб всему нашему лесу отец. Уходите подобру-поздорову* [В. Бахревский, Медвежьи сказки]. *Гляжу ль на дуб уединенный, Я мыслю: патриарх лесов Переживет мой прах забвенный, Как пережил он прах отцов* [Н. Пеньков, Была пора]. *–…на том море-окияне Теплынском стоит Буян-остров, а на том Буяне-острове стоит дуб булатный: корени булатные, сучье булатное, вершина булатная…* [Евгений Лукин, Катали мы ваше солнце].

Любое высказывание не существует изолированно, вне связи с другими. По замечанию Н. Н. Николиной, оно «часто возникает как отклик на уже существующее литературное произведение, как реакция на него, ответная «реплика» в диалоге текстов», оно «включает и преобразует «чужое» слово, приобретая при этом смысловую множественность» [5, с. 223]. Как показал анализ, использование интертекстуальных связей проявляется чаще в публицистическом тексте: ***Старый дуб*** *рос на дальнем конце поселка и был для местных жителей* ***чем-то вроде памятника Пушкину на улице Горького*** [Т. Тронина, Русалка для интимных встреч]. *И неподалеку –* ***раскидистый дуб, под которым, по преданию, любил сидеть Александр Иванович Одоевский****, поэт и декабрист* [В. Арро, Дом прибежища].

Однако более активной является ассоциация с дубом из пушкинского «Лукоморья»: *Неподалеку красовался огромный* ***дуб, древний двойник литературного собрата у Лукоморья,*** *несколько столетних елей соседствовали с двумя неохватными серебристыми ивами, спала тишина* [Н. Галкина, Вилла Рено]. *Пушкин имел ощущение центра, но* ***Мировое Древо*** было дано ему в ***сниженном и упрощенном виде родового дерева (дуб в Михайловском или дуб в Лукоморье)****, как Папагено из «Волшебной флейты», не прошедшему последнего посвящения* [В. Емельянов, Священный трепет древа жизни]. *Несмотря на то, что пошла вторая половина*

зимы и стояли 30-градусные морозы, ***дуб был покрыт золотыми листьями****! … Одним словом,* ***дуб несомненно был тот самый, пушкинский*** *и, позванивая обледеневшими золотыми листьями, подтверждал, что все услышанное – правда* [Т. Гобзева, За околицей Хитровщины начинается космос].

Отношение к берёзе было двойственным: согласно одним традициям дерево и изделия из него, в том числе из берёсты, считались оберегом от нечистой силы; в частности, берёзовые веники, использовавшиеся в бане, рассматривались и как инструменты ритуального очищения, а накануне Ивана Купалы берёзовые ветки втыкали над дверью, чтобы нечистая сила не проникла в дом. Согласно другим традициям, берёзу считали нечистым деревом, в ветвях которого поселяются черти и русалки, и которое является воплощением душ умерших родственников; берёза также считалась деревом, из которого нечистая сила делает свои инструменты – к примеру, ведьмы, согласно поверьям, летают на берёзовых мётлах.

Существует множество народных примет, нашедших отражение в языке, например:

- *Из берёзы весной течёт много сока — к дождливому лету.*
- *Осенью листья берёз начнут желтеть с верхушки — весна ранняя, зажелтеют снизу — поздняя.*
- *Коли берёза наперёд опушается, то жди сухого лета, а коли ольха — мокрого.*
- *Если на берёзах много серёг — к урожаю гороха.*
- *Если весною на берёзе много почек — просо будет обильное.*
- *Если берёзовая шишка натрое весною — то овёс хорошо родится.*

Как видим, все изречения объективируют на языковом уровне наблюдения, важные для сельскохозяйственной деятельности человека.

В украинском и чешском календарях именем берёзы назван месяц март. Березозолом в древнеславянских памятниках письменности обозначался месяц апрель. Слово составилось из *берёза* и из слова *зол*, не употреблявшегося самостоятельно, имеющего тот же корень, что и в словах *зел-ёный, зел-енеть* и т. д. Таким образом, слово обозначает зелень берёзы или месяц, в который берёза зеленеет; вот почему чеш. březen обозначает март.

Берёза считается одним из символов России, поэтому во многих случаях её название использовалось для описания объектов, связанных с Россией: *Перед ними предстал уголок настоящего леса:* ***высокие стройные берёзы****, густые могучие ели, трепещущие на ветру осины с редким подлеском* [Д. Князева, На привале]. *В поле стояла* ***одинокая береза с обвислыми ветвями-косами****, а тяжелые клочья туч, выписанные с таким тщанием, что в их пучине чудились медленное шевеление, брожение раскатов густого рокота, зловеще подсвечивала гипнотическая молния. Луна показалась на небе… молчание природы изредка прерывалось перепархиванием испуганных пернатых и жужжаньем майских жуков, кружившихся около вершин кудрявых берез* [Н. Мамышев, Злосчастный]. Дуб также нередко используется для изображения топонимических объектов. В таких текстах подчеркивается природная необычность, красота описываемого места, ср.: ***Толстый, многолетний дуб*** *навис своей кроной над аллеей* [Л. Корнешов, Газета]. *Прекрасные места, ветвистый дуб, журчащий ручеек составляли все блаженство Марьи* [Тверской, Иван Купала]. *Вокруг Отрога – так называют родник – ольха высоченная, тополя,* ***дуб стоит поодаль могучий, раскидистый, хватает небо крепкими, еще без листьев лапами****…* [В. Чивилихин, «Моя мечта – стать писателем», из дневников 1941-1974 гг.].

Исследование фитонимов *дуб* и *береза* в лингвокультурологическом аспекте показало актуализацию прагматического и эмотивного компонентов в их семантической структуре. Так, многие тексты связаны с описанием практического использования денотатов, номинированных лексемами *дуб* и *береза*: *Сосна, туя, ель,* ***дуб, береза****, рябина* ***повышают полезную ионизацию*** *воздуха* [Павел Крусанов. Перекуем орала на свистела]. *В отличие от других центров по художественной обработке дерева,* ***где используются липа и берёза****, в Луховицах стали применять невостребованную осину, которая раньше почти полностью уходила в отходы лесного производства* [Ю. Карпун, Природа района Сочи]. *Мой дед был охотником и как-то* ***вырезал мне из берёзы*** *«летающую бабочку», которая сразу же стала моей любимой игрушкой* [Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно]. *Но с другой стороны, и не жалко:* ***дуб ведь в музыке бесполезен*** [М. Вишневецкая, Вышел месяц из тумана].

Эмотивный компонент реализуется во фрагментах повествовательного характера, передающих ситуации размышления, наблюдения, восторга: *Индома здесь разливалась между двумя зелеными пригорками; была неколебима, подобно зеркалу; едва слышен был гул вдали*

враждующих волн ее; маститые сосны и ***развесистые березы****, окруженные мраком своим, дремали над нею; все располагало мою душу к размышлению.* [П. Львов, Даша, деревенская девушка]. ***Береза пружинила****, земля бешено срывалась из-под забранных к подбородку коленок, мчалась напором, рушилась куда-то вниз, как из-под крыла самолета при отрыве, – и бежала, замедляясь, вода, чтобы на полном останове – взмыть, принять восторг паденья* [А. Убогий, Русский путь Чехова]. *Шумите уныло,* ***березы*** *и осины! Шумите для симпатического удовольствия чувствительной души!* [П. Шаликов, Темная роща, или памятник нежности].

Лингвокультурологический фон использования фитонимов в тексте ассоциирует дуб с твердостью характера человека, а березу – с женской нежностью, иногда – одиночеством, светлым тоном человеческих отношений, что вводит лексемы в образную систему антропоцентрического характера. Чаще всего такие реализации проявляются в сравнительных конструкциях: *Как он исполнял описание сна Разина и как побледнел, когда пел: «И стоит Степан ровно грозный дуб»* [Л. Вертинская, Синяя птица любви]. *– Вот именно это я прежде всего и понял, – перебил он мой раздраженный монолог. – Простая и светлая, как береза. Ты – береза* [А. Ткачева, Приворот]. *«Вот Автоном, вот жених Аннушки», – вскричал дядя Карп, обнимая гостя. Андрей стоял, как береза в поле. Он не отвечал уже ни слова; сел на скамье у дверей и смотрел в пол так пристально, как будто бы искал там клада* [В. Нарежный, Российский Жилблаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова].

Встречаются примеры, в которых береза и дуб входят в один художественный образ, передавая гармонию отношений между женщиной и мужчиной. В таких контекстах реализуется как эмотивный, так и прагматический смысл: *Будучи недавно в Ясной поляне, я обнаружила два огромных дерева, также сросшиеся стволами, на этот раз это были дуб и берёза, причём очень старые… Видимо, берёза и дуб каким-то образом положительно влияют друг на друга, причём берёза, как более быстро растущее дерево, образует «перемычки» к стволу дуба.* [Н. Замятина, Повенчалась берёза с дубом]. *Все изделия «РусЭкспорта» поражают воображение, будь то низкий столик, где добытый на реке Мокша (Мордовия) мореный дуб сочетается с карельской березой…* [Антиквариат будущего (2004) // «Мир & Дом. City», 2004.06.15].

Таким образом, современные русскоязычные тексты эксплицируют не только традиционные культурные знания, заложенные в семантической структуре фитонимов, но и соотносят их с новыми представлениями прагматического и эмотивного свойства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: 1983. – 269 с.

2. Воробьёв В. В. О межкультурной языковой коммуникации в лингвокультурологии / В. В. Воробьев // Степановские чтения. Проблемы межкультурной языковой коммуникации: Тезисы докладов и сообщений. – М, 1998. – С. 19–20.

3. Ивакин Ю. Г. Священный дуб языческих славян / Ю. Г. Ивакин // Советская этнография. – 1979. – № 2. – С. 31–47.

4. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира / Светлана Алексеевна Кошарная. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. – 288 с.

5. Николина Н. А. Филологический анализ текста. Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Н.А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.

6. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом аспекте / Алексей Федорович Лосев. – М.: Учпедгиз, 1957. – 617 с.